



ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. О. КОСВЕН

ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ГОРСКИХ НАРОДОВ КАВКАЗА В РАННЕЙ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

1

С той поры, как Россия начала становиться государством многонациональным, русская наука, в частности русская этнография, стала близко знакомиться с различными в той или иной мере отсталыми народами. Все эти народы, — народы Поволжья, восточноевропейского Севера, Сибири, Средней Азии, — стоявшие на разных ступенях развития, обладали каждый значительными культурными особенностями. Таким образом, к тому времени, когда Россия вступила в более близкое соприкосновение с горскими народами Кавказа, т. е. к середине XVIII в., русским людям уже были хорошо знакомы различные формы общественного строя.

И тем не менее, общественный строй горцев Кавказа, с их иногда довольно высокими формами политического устройства, довольно развитыми формами примитивного народовластия, с их особой «вольностью» и вместе с тем весьма устойчивым общественным порядком, весь этот строй, — наряду с крайней отсталостью материальной и хозяйственной культуры, — должен был представляться русским наблюдателям совершенно иным, особо своеобразным и вызывать особый интерес.

Не удивительно поэтому, что с самого начала появления русских описаний горских народов Кавказа особое внимание в этих описаниях уделяется общественному строю, причем явственным образом сказывается преобладание интереса к общественным формам и отношениям над интересом к прочим сторонам культуры и быта.

Первоначально, конечно, это только описания. Но уже сравнительно очень рано начинают появляться и соответствующие оценки, характеристики и определения общественного строя различных народов Кавказа¹.

Прежде всего, русские наблюдатели горских народов Кавказа не могли не обратить внимания на своеобразный характер тех коллективов, которые являлись основными общественными ячейками горцев. Эти ячейки образовывали либо отдельные селения, либо тесно между собой

¹ Настоящий очерк основывается в качестве источников только на печатных материалах. Нет сомнения, что привлечение архивных материалов не только расширило бы конкретные данные, но внесло бы и новые, существенные, черты. Однако исследование богатейших архивных фондов по этнографии Кавказа составляет еще очередную задачу.

связанные небольшие группы селений, пользовались во многих отношениях независимостью, имели хорошо развитое самоуправление и т. д. Такие туземные коллективы стали в русском словоупотреблении обозначаться неопределенным термином «общество». При этом, наблюдаемая действительность заставляла различать, с одной стороны, «общества», которые входили в более или менее развитые и сложные политические образования, подчиненные княжеской, ханской или иной подобной власти, и, с другой стороны, «общества», которые не состояли в таком подчинении и сохраняли полную или почти полную независимость. Эти последние получили название «вольных обществ». Некоторое распространение получило также обозначение этих «вольных обществ» и их союзов как «республик». Все эти термины появляются в XVIII в. и начинают распространяться в XIX в.²

Интересную, — насколько нам известно, наиболее раннюю, — характеристику формы управления таким «обществом» находим мы в виде отзыва об одном из горских народов Кавказа, а именно, абадзехах, в записке, составленной асессором иностранных дел Бакуниным в 1743 г. на основании показаний находившихся тогда в Петербурге кабардинских и кумыкских «владельцев» Атажукина, Гиляксанова и Хамзина³. «Владельцев, — говорится здесь, — не имеют, а правят между ними старики. Закона никакого не содержат, а правят между ними старики». В этом отзыве середины XVIII в. охарактеризованы те черты распадающегося родового строя, которые зарубежная буржуазная этнография подметила только в начале XX века и выделила под неудачным названием «геронтократии».

Первую развернутую характеристику общественного строя горских народов Кавказа дал в начале XIX века С. М. Броневский⁴.

В своем широко известном труде, представляющем собой первое в русской литературе общее, обширное и разностороннее сочинение о Кавказе, в частности и первое собрание соответствующих этнографических сведений⁵, Броневский писал: «Три главные виды правления: монархическое, аристократическое и демократическое, известны также на Кавказе, но смешение оных чрезмерно, наипаче двух первых видов». И ниже: «Оба... вида правления в Кавказе, т. е. монархическое и аристократическое, еще правильнее можно назвать феодальным, потому что князья и ханы, не исключая царя имеретинского, все разделяют власть с своими вассалами, а разность состоит только в степенях власти и относительно их могущества» (ч. I, стр. 38 и 39). В другом месте, описав сословное

² Употребление перечисленных терминов в XVIII в. прослеживается по различным ссылкам на документы XVIII в., их употребление в начале XIX в. прослеживается по документам, опубликованным в «Актах, собранных Кавказской Археографической Комиссией», начиная с I тома.

³ Материалы по истории Осетии (XVIII в.), т. I, «Известия Северо-Осетинского н.-и. института», т. VI, 1934. — Составитель цитируемой записки — Василий Михайлович Бакунин (ум. в 1766 г.), советник Иностранной коллегии, переводчик и писатель. О нем: Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря, ч. I, в книге: «Сборник Русского Исторического общества», т. 60, СПб., 1887.

⁴ Семен Михайлович Броневский (1763—1830) — офицер; участвовал в 1796 г. в Персидском походе, остался затем на военной службе на Кавказе; в 1801 г. перешел на гражданскую службу и состоял правителем дел канцелярии главноначальствующего на Кавказе (при Цицианове и Гудовиче); позже служил в Петербурге, в Департаменте иностранных дел, а в последние годы своей жизни был градоначальником г. Феодосии. О нем: 1) некролог — «Московские ведомости», 1831, 11; 2) Русский биографический словарь, 1903.

⁵ Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским, 2 части, М., 1823. Приложением к этому сочинению является: Карта кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа, составлена А. Максимовичем, СПб., 1823.

деление кабардинцев, Броневский заключал: «Из сего явствует, что феодальная иерархия, учрежденная у кабардинцев,... мало развствует от внутреннего управления России во время удельных князей» (ч. II, стр. 113—114).

Объединив, таким образом, монархический и аристократический виды правления общим обозначением феодального, Броневский сводит формы правления народов Кавказа к двум основным видам: феодальному и демократическому. При этом, относя к демократическому виду правления менее развитые народности и группировки Кавказа, Броневский называет одни из них «вольными обществами», другие — «республиками», третьи — «федеративными республиками».

Такова первая в истории науки попытка общей характеристики общественного строя горских народов Кавказа и вместе с тем попытка установить различные формы этого строя. Различая две основные формы: феодальную и демократическую и отмечая существующее нередко на Кавказе «смешение» этих форм, Броневский говорит о наличии в феодальном строе горских народов Кавказа элементов демократизма, о том, следовательно, что мы бы назвали первобытно-демократическим, или первобытно-общинным, укладом в феодальном обществе. Отметим замечательное для своего времени сближение у Броневского кавказского феодализма с русским феодализмом удельной эпохи.

Начиная с этого времени, в последующей кавказоведческой литературе распространяется для различных народов, в различных вариантах и формулировках, употребление всех вышеуказанных оценок и определений общественного строя, с отнесением отдельных народов к той или другой из названных двух основных форм.

Так, неизвестный русский офицер, являющийся автором напечатанного на французском языке в 1824 г. очерка, посвященного так называемому джаро-белаканским лезгинам, называет их общественное устройство «федеративной республикой» и описывает их управление, основанное на «общинных началах» и состоящее из главы селения, совета стариков, общего собрания всей общины — джамаата и, наконец, собрания в особо важных случаях всей «нации»⁶.

В 1827 г. И. Т. Р а д о ж и ц к и й определяет общественный строй кабардинцев как «феодальное управление»⁷. Автор исходящей из Министерства иностранных дел компилятивной записки 1830 г. «О закубанских народах», говоря об общественном строе этих народов и их внутренних отношениях, пишет: «Сие напоминает о феодальном устройстве, существовавшем в средние века в Западной Европе»⁸. Несколько позже, в 1837 г., М. В е д е н и к т о в, характеризуя общественное состояние горцев Северного Кавказа, пишет: «Все эти племена разделяются на многие мелкие общества, не связанные между собой никакой властью, никакими гражданскими уставами, но составляющие как бы отдельные республики». И ниже: «Некоторые племена управляются князьями,... коих власть

⁶ Sur l'état actuel des Lesguis, peuple caucasien (Communiqué par un officier russe à un voyageur français), «Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire», 6, 1824, novembre; немецкий перевод: Die Lesghier, ein Kaukasusvolk, «Neue allgemeine geographische und statistische Ephemeriden», 15, 1825.— «Лезгинами» в те времена и позднее нередко называли все народности Дагестана. На деле население Джаро-Белаканского округа составляли в основном аварцы. Мы сохраняем в нашем изложении терминологию источников.

⁷ И. Р а д о ж и ц к и й, Законы и обычаи кабардинцев; очерк этот, составленный, согласно указанию автора, в 1827 г., был напечатан лишь в 1846 г.: «Литературная газета», 1846, 1—2. Автор — Илья Тимофеевич Р а д о ж и ц к и й — офицер-артиллерист, участник Отечественной войны, долго служил на Кавказе; известен своей литературной деятельностью, а также как выдающийся ботаник. О нем: Русский биографический словарь, 1910.

⁸ Акты Кавказской Археографической Комиссии, VII, 1878, стр. 890.

однакоже весьма ограничена»⁹. В 1841 г. Д. Зубарев, говоря о Джаро-Белаканских лезгинях, отмечает: «Правление в Джаро-Белаканской области было республиканское»¹⁰.

Особый интерес в числе этих ранних характеристик общественного строя горцев Кавказа представляет следующий отзыв, принадлежащий Н. П. Колюбакину, содержащийся в его статье «Взгляд на жизнь общественную и нравственную племен черкесских»¹¹.

Содержание этой статьи составляет общая характеристика адыгов, имеющая целью показать, что это не «дикари», а народ с устойчивым общественным строем и прочным, хотя и неписаным, правом. «Мы призывали,— пишет Колюбакин,— называть дикарями все непокорные или недавно покорившиеся племена Кавказа». Это — заблуждение. Всем им свойственны оседлость, господство обычаев, получивших «святость законов», и т. д. Описав, как все спорные дела разрешаются у них в народных собраниях, Колюбакин говорит: «Таковые собрания, не представителей народа, а целого народа и не в пышных зданиях, а под чистым небом, в долинах, освященных важным событием или прахом усопших праотцев,— не могли не дать всем действиям племени некоторой правильности, не связать некоторыми узами всех соплеменников. В постановлениях всех этих обществ обозначаются хотя грубые очерки какой-нибудь формы правления: тут феодального, там — демократического».

Итак, уже очень рано, с начала XIX в., русские наблюдатели и исследователи горских народов Кавказа совершенно отчетливо себе представляли, что эти народы не «дикари»,— кстати сказать, это слово почти никогда не встречается в русской этнографической литературе по Кавказу, а если встречается вообще, то вызывает протест, какой мы видим, например, сейчас со стороны Колюбакина,— что эти народы отнюдь не обезличенные, одинаково отсталые, «первобытные» и проч. племена. Русские исследователи горских народов Кавказа совершенно отчетливо себе представляли, что эти народы стоят не на одинаковом уровне общественного развития, а находятся на различных его ступенях. Эти разные ступени были определены Броневским как феодальная и демократическая, и данная квалификация входит в научный оборот. При этом, общественный строй таких сравнительно развитых народов, как кабардинцы, уверенно квалифицируется как феодальный, но для общественного строя менее развитых народов еще не найдено адекватного определения и термина. Это — «вольное общество», «республика», «республиканское правление» или синонимично — «демократическое правление», наконец, «федеративная республика».

⁹ М. Ведеников, Взгляд на кавказских горцев, «Сын отечества», 1837, ч. 188, стр. 36.— Личных сведений об этом авторе мы не нашли.

¹⁰ Д. Зубарев, Поездка в Кахетию, Гушетию, Тшавию, Хевсурию и Джаро-Белаканскую область, «Русский вестник», 1841, 6.— Дмитрий Зубарев является также участником известного коллективного труда «Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении», 4 ч., СПб., 1836.— Личных сведений о нем мы не нашли.

¹¹ Газета «Кавказ», 1846, 11; перепечатано: 1) «Сборник газеты «Кавказ», 1846, I полугодие, Тифлис, 1847; 2) «С. Петербургские ведомости», 1846, 89.— Николай Петрович Колюбакин (1810—1868), окончив Царскосельский лицей в 1829 г., служил на военной службе; в 1834 г. за нарушение воинской дисциплины был разжалован в солдаты с отсылкой на Кавказ. В 1837 г. за геройский поступок был вновь произведен в первый офицерский чин. Прослужил затем на Кавказе до 1863 г., дослужившись до чина генерал-лейтенанта и должности кутаисского генерал-губернатора; с 1863 г.— сенатор в Москве. Имеются указания, что в раннюю пору своей службы на Кавказе Колюбакин вращался среди сосланных на Кавказ декабристов, был другом Бестужева-Марлинского и был знаком с Лермонтовым. О нем: 1) Военная энциклопедия, XIII (1913); 2) А. А. Колюбакина, Воспоминания, «Исторический вестник», 1894, 11—12 (воспоминания его жены, посвященные преимущественно мужу); 3) К. А. Бороздин, Закавказские воспоминания, Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год, СПб., 1885.

Так, сравнительно очень рано русская этнография делает свои первые, иногда уже довольно уверенные, шаги в оценке, определении и различении общественного строя различных горских народов Кавказа.

Но в свою очередь исключительно рано, уже в начале 40-х годов XIX в., русская этнография сделала и новый, крупный, шаг в познании общественного строя горских народов Кавказа.

Этот шаг и вместе с тем замечательное достижение русской науки состоит в том, что была обнаружена и выделена конкретная, живая, этнографическая форма того, что фигурировало под наименованием «демократической формы общественного устройства», «демократического правления» и пр. Этой этнографической формой явилась родовая группа, а заслуга первой констатации, можно сказать, открытия, равно как и характеристики этой формы принадлежит, датируясь 1843 годом, В. И. Голенищеву-Кутузову¹².

В 1843 г. Голенищев-Кутузов, в порядке исполнения служебного задания, связанного с предпринятым в начале 40-х годов военным ведомством собиранием адата горских народов Кавказа, составил довольно пространное «Описание гражданского быта чеченцев с объяснением адатного их права и нового управления, введенного Шамилем»¹³. Характеризуя здесь землевладение и землепользование чеченцев, Голенищев-Кутузов писал, что они жили первоначально маленькими группами — «племенами». Когда они расплодились, то «земли разделились между этими маленькими племенами или тохумами, как зовут их в Чечне, однакоже не раздобились на участки между членами их, но продолжали попрежнему быть общею, нераздельною собственностью целого родства. Каждый год, когда настанет время пахать, все одноплеменники собираются на свои поля и делят их на столько равных дач, сколько домов считается в тохуме; потом уже жребий распределяет эти участки между ними. Получивший таким образом свой годовой участок делается полным его хозяином на целый год, зарабатывает его сам или отдает другому на известных условиях или, наконец, оставляет неразработанным, смотря по желанию».

А ниже Голенищев-Кутузов следующим образом характеризовал тохумный строй: «Каждый тохум, каждая деревня управлялась отдельно, не вмешиваясь в дела соседей. Старший в роде выбирался обыкновенно, чтобы быть посредником или судьей в спорах родственников; в больших деревнях, где жило несколько тохумов, каждый выбирал своего старика, и ссоры разбирались уже всеми стариками вместе»¹⁴.

¹² Василий Иванович Голенищев-Кутузов, офицер лейб-гвардии Семеновского полка, окончил в 1834 г. Военную Академию; с 1836 по 1846 г. служил по генеральному штабу на Кавказе, на Левом фланге Кавказской линии; в 1846 г. в чине полковника был уволен в отставку по болезни (сведения заимствованы из книги: Н. П. Глиноецкий, Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба, СПб., 1882, Приложение: Офицеры, окончившие курс Военной Академии и Николаевской Академии Генерального штаба по порядку выпусков с 1834 по 1882 г., стр. 32).

¹³ «Описание» Голенищева-Кутузова оставалось ненапечатанным в течение долгого времени, однако получило известность и использовалось. Довольно широко использовал эту работу, как это оговорил сам автор, А. А. Неверовский в своей статье «Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях», «Военный журнал», 1847, 5; отдельно: СПб., 1847. Еще более основательным образом «Описание» Голенищева-Кутузова было использовано неким И. Ивановым, статья которого «Чечня» («Москвитянин», 1851, № 19—20) представляет собой порой буквальное воспроизведение текста Голенищева-Кутузова, которого, однако, Иванов не называет. Тот же текст, напечатанный анонимно, представляет собой статья «Чечня» в газете «Кавказ», 1851, 95—98 (не окончено). Полностью работа Голенищева-Кутузова была напечатана впервые в книге: Ф. И. Леонтович, Адаты кавказских горцев, Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, 2 ч., Одесса, 1882—1883; см. ч. II, стр. 78—124.

¹⁴ Ф. И. Леонтович, Указ. соч., II, стр. 78—80 и 82.

Новые образцы первобытных общественных форм были обнаружены и охарактеризованы вскоре затем в другом районе Кавказа — среди лезгин Джаро-Белаканской области — О. И. Константиновым. В статье «Джаро-белаканцы до XIX столетия»¹⁵, составленной, видимо, не на основании личных сборов, а по каким-то официальным, архивным, документам, Константинов дал характеристику общественного строя лезгин, их отдельных «обществ» — джамаатов, с разделением их на «тохумы, или фамилии», организации управления в этих «обществах», земельных отношений и пр. Общественную структуру лезгин Константинов описывает следующим образом: «Общество (джамаат) разделялось на тохумы, или фамилии; каждая из них заключала в себе не только всех близких и дальних родственников, но даже и тех, которые, вышедши из разных мест, присоединялись к оной, приняли ее название и поселились на принадлежащем ей участке земли».

В приведенных описаниях Голенищева-Кутузова и Константинова содержится ряд новых, весьма существенных, элементов характеристики общественного строя горских народов Кавказа.

В своем описании чеченцев Голенищев-Кутузов впервые представил в качестве основной общественной ячейки группу, которую он именует одинаково: «племенем», «родством», «родом», либо местным названием — «тохум». Тохум — иранский термин, «семья», был распространен на восточном Кавказе, равно как и в других странах, куда проникало иранское влияние, в качестве обозначения родственной группы. На западе Кавказа таким термином сделалась «фамилия». Насколько мы могли проследить, именно у Голенищева-Кутузова термин «тохум» в русских источниках появляется впервые. Вслед за Голенищевым-Кутузовым Константинов описал «тохумы, или фамилии», у лезгин.

Мы имеем у названных авторов и следующие черты этой общественной формы. Тохум образует отдельное селение, либо несколько тохумов составляют большое селение. В том и другом случае тохум представляет собой самоуправляющуюся единицу, возглавляемую старшим. По Голенищеву-Кутузову, как можно заключить из его текста, тохум состоит исключительно из родственников, по Константинову, у лезгин Джаро-Белаканского округа тохум, или фамилия, уже включает не только всех родственников, но и выходцев из других мест, переселенцев. Тохум, по Голенищеву-Кутузову, состоит из некоторого числа домов. Таким образом, дом, домохозяйство, составляет наименьшую хозяйственную ячейку горского общества. Голенищев-Кутузов дает, далее, замечательное описание землевладения и землепользования тохума. Основной его чертой является общая, нераздельная, собственность на землю. Даже с размножением тохума земля не делится, а остается общей собственностью всего тохума. Вместе с тем, ежегодно, накануне пахоты, все члены тохума собираются на своих полях и делят их по числу домов в тохуме на равные доли, которые затем распределяются между домами по жребью¹⁶.

¹⁵ «Кавказ», 1846, 2—3; перепечатано: «Сборник газеты «Кавказ», 1846, I полугодие, Тифлис, 1847.— Осип Ильич Константинов (1813—1856), офицер-артиллерист, затем, с 1840 г., на гражданской службе на Кавказе, состоял при главнокомандующем; в 1846 г. стал одним из основателей газеты «Кавказ» и первым ее редактором; с 1848 г. служил в Петербурге чиновником особых поручений при Военном Министерстве; в 1854—1855 гг. состоял в штабе Крымской армии при командующем кн. М. Д. Горчакове; является автором ряда статей в газете «Кавказ», а также двух оставшихся в рукописи сочинений: «История русского владычества на Кавказе» и «История Севастопольской кампании». О нем: 1) «Русская старина», 1875, 11; 2) Энциклопедический словарь Брокгауза; 3) Л. Зиссерман, Из кавказских воспоминаний, «Русский архив», 1896, 2, где Константинов аттестуется как «прекрасно образованный, даровитый».

¹⁶ Мы имеем здесь, между прочим, великолепную иллюстрацию к знаменитому месту у Цезаря в его описании германцев, где говорится о том, что земля подвергалась ежегодному распределению или переделу по родам и cognationes (мы перево-

В описаниях Голенищева-Кутузова и Константинова мы имеем и следующую за тохумом общественную форму — соединение нескольких тохумов в большую группу, образующую селение, которую Константинов именует «обществом» или «джамаатом». Отныне этот арабский термин, означающий «сход», «собрание», в свою очередь становится в кавказоведческой литературе распространенным обозначением как органа управления «обществом» — совета, образуемого, как указывает Голенищев-Кутузов, из представителей или глав тохумов, так и самого «общества» или общины, соединяющей несколько родовых групп — тохумов.

Итак, уже в 1843 г. русской этнографией была открыта основная общественная форма отсталых горских народов Кавказа. Для нее еще нет устойчивого термина (племя, родство, род, тохум, фамилия), но сущность этой формы совершенно определенная. Это, в основе своей и принципиально, родственная группа, являющаяся одновременно общественной единицей, имеющая свое основание в коллективном, нераздельном, владении землей. В Джаро-Белаканском округе, по свидетельству Константинова, эти тохумы, или фамилии, включают порой и не родственников; мы имеем здесь, следовательно, уже и распадное состояние данной формы.

Таким образом, уже в 40-х годах XIX в. русская наука подошла к раскрытию основания и сущности той установленной ею незадолго до того на Кавказе «демократической формы общественного устройства», или «республики», в которой выражалось состояние менее развитых горских народов и которая вместе с тем была в известной мере присуща (составляла уклад, сказали бы мы) более развитым, феодальным, народам. В основе этого демократического устройства лежала форма, которая, еще неуверенно именуясь, представляла собой широко распространенную в то время на Кавказе родственную группу — тохум, или фамилию, ту группу, которая является одним из концентрических кругов рода, группу, которую мы назвали патронимией. Наряду с этой группой русская этнография Кавказа обнаружила и более широкую группу, состоящую из нескольких тохумов, представляющую собой, в зависимости от ее социально-экономического состояния, либо в свою очередь родовую группу, следующий концентрический круг рода, либо уже территориальную, соседскую общину, получившую название «джамаат».

Так, — можно с полным основанием сказать, — уже в 40-х годах XIX в. русская наука вплотную подошла на Кавказе к проблеме родового строя и соседской общины, — достижения, с точки зрения истории общественной науки, — крупнейшие.

II

Новый шаг вперед в исследовании и оценке общественного строя горских народов Кавказа был сделан в 50-х годах XIX в. на материале преимущественно этнографии адыгов.

Здесь надо прежде всего назвать «Этнографический очерк черкесского народа» К. Ф. Сталая¹⁷. Эта работа является результатом трехлет-

дим: патронимиям), с пресловутым замечанием: qui tum una coierunt. См. об этом нашу статью: Патронимия у древних германцев, «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», т. VI, № 4, 1949. — Если бы мы раньше обратили должное внимание на это описание Голенищева-Кутузова, то не преминули бы его цитировать в данной статье и этой иллюстрацией к Цезарю, заимствованной из кавказской этнографии, значительно лучше смогли бы объяснить суть дела. Вообще, быть может, если бы описание Голенищева-Кутузова приобрело известность своевременно, оно давно избавило бы комментаторов Цезаря от затруднений и ошибок перевода этого соегипт: совершенно ясно, что речь здесь идет именно о том, что родственники сходились все вместе на поле для производства раздела земли.

¹⁷ Карл Федорович Сталая, род. в 1817 г., учился в Дворянском полку, откуда был выпущен в 1837 г. прапорщиком; в 1842 г. окончил Военную Академию; с 1844 по 1859 г. служил в частях Кавказской линии, затем — командиром полка в России;

них, в 1846—1848 гг., наблюдений и сборов автора во время его службы за Кубанью. Согласно его же указанию, он в 1852 г. дополнил и доработал свою рукопись при помощи абадзеха, прапорщика Омара Берсеева¹⁸.

«Этнографический очерк» Сталья относится преимущественно к адыгам, частично к кабардинцам. Анализируя общественный строй различных адыгейских племен, Сталь констатирует значительное различие в их общественном развитии и делит их на аристократические и демократические общества. Обобщая свою характеристику социального строя адыгов, Сталь пишет: «Община есть первая ступень политического быта каждого народа. Община является первоначально самобытной единицей, в которой семейства или роды все одного происхождения и имеют одни и те же интересы. Община, по мере увеличения своего, раздроблялась на большее или меньшее число общин, которые тотчас отделялись друг от друга и образовывали каждая самостоятельное целое. Устройство общины или колена (*gens, φυλη*) есть первое политическое устройство человека». И ниже: «В этом-то первобытном колленном устройстве остались с незапамятных времен кавказские горские народы». Весьма любопытно еще у Сталья сближение кавказских горцев с гомеровскими греками: «все черты древнего быта эллинов,— пишет он,— описанные... Гомером, вы найдете в настоящее время существующими в быту кавказских горцев».

Поскольку Сталь употребляет термин «род», поскольку он рядом с термином «колono» ставит *gens*, мы не сделаем натяжки, если скажем, что его выражение — «колonoное устройство» — можно читать как «родовое устройство». Таким образом, можно сказать, что в этом замечательном для своего времени высказывании Сталь, с обычной для той эпохи нечеткостью терминологии, определил общественное состояние горцев Кавказа как состояние родового или общинно-родового строя.

Родовой строй у адыгов констатировал и другой их исследователь — Н. И. Карлгоф¹⁹. В двух своих работах, посвященных адыгам²⁰.

в 1866 г. вышел в отставку с производством в генерал-майоры; в 80-х годах жил в Одессе. О нем: 1) биографические данные, приводимые издателем его работы Е. Г. Вейденбаумом (см. ниже); 2) Ф. И. Леонтович, Адаты кавказских горцев, I, стр. 77; 3) Н. П. Глиноецкий, Указ. соч., стр. 51.— Работа Сталья, оставшаяся в рукописи, использовалась многими, была, в частности, использована Н. Ф. Дубровиным в его известном сочинении «История войны и владычества русских на Кавказе», т. I, «Очерк Кавказа и народов, его населяющих», СПб., 1871. Свообразным порядком использовал работу Сталья, получив ее рукопись лично от автора, Ф. И. Леонтович, который, сделав из нее обширные заимствования на тему о сословном делении и по различным разделам обычного права, поместил этот текст в виде записи обычного права адыгов в своем сборнике «Адаты кавказских горцев», ч. I, стр. 159—220. Наконец, полностью напечатал очерк Сталья известный кавказовед Е. Г. Вейденбаум, с предисловием, краткими примечаниями и биографическими данными об авторе, в «Кавказском сборнике», т. XXI, 1900, по рукописи Библиотеки Штаба Кавказского военного округа. Станным образом Вейденбауму осталась, очевидно, неизвестным факт использования очерка Сталья Леонтовичем, и Вейденбаум не учел сообщаемых Леонтовичем некоторых личных сведений о Стале.

¹⁸ Прапорщик Омар Хатхомуевич Берсеев — в 50-х и начале 60-х годов состоял преподавателем черкесского языка в Ставропольской гимназии («Кавказский календарь» на 1853 и 1860 гг.).

¹⁹ Николай Иванович Карлгоф (1806—1877), с 1824 г. в офицерских чинах, в 1839 г. окончил Военную Академию; с 1845 г. на службе на Кавказе начальником штаба Черноморской береговой линии; с 1858 г. — генерал-майор, оберквартирмейстер Кавказской армии; с 1870 г. — генерал от инфантерии; с 1871 г. — член Государственного Совета; состоял помощником председателя Кавказского отдела Русского Географического общества. О нем: Н. П. Глиноецкий, Указ. соч., стр. 44, и «Кавказский календарь» за ряд лет.

²⁰ 1) Н. Карлгоф, Восточный берег Черного моря (Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, ч. 10), СПб., 1853; 2) Н. Карлгоф, О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря, «Русский вестник», 1860, 8.

Карлгоф указывал на сохранение у них родовых форм и отношений. «Все члены одной фамилии,— писал он в первой своей работе,— составляют между собой тесный союз... Под фамилией должно понимать целый род одного происхождения, княжеского, дворянского или простого, со всеми своими отраслями, достаточно сильный для своей самостоятельности». И ниже: «Фамилии состоят из многих семейств, которые, исходя от одного корня, могут иметь между собой отдаленную степень родства». Точно так же во второй своей работе Карлгоф писал: «Семейства одного родового происхождения или одной фамилии... составляют родовой союз на подобие прежних шотландских кланов».

Мы находим здесь,— опять-таки, при некоторой неустойчивости и нечеткости терминологии,— довольно четкое для своего времени определение родовой группы.

Из мелких кавказоведческих этнографических публикаций 50-х годов отметим следующее. Неизвестный автор обзора закубанских горцев, выделяя одну группу адыгов, пишет, что они распадаются «на несколько феодальных владений»²¹. В другой аналогичного рода записке о причерноморских адыгах говорится, что «внутреннее управление их феодальное»²². Наконец, К. Самойлов²³ говорит о чеченцах, что они распадаются на племена, последние — на «общества», а эти последние на роды — тохумы. Общества, указывает далее Самойлов, первоначально состояли из семейств одного происхождения. С размножением семейств и превращением их в роды родство забывалось, происходило отделение родов, каждый род составлял отдельное общество, которое впоследствии в свою очередь делилось на семейства.

Резюмируя, что дало в области проблемы общественного строя горских народов Кавказа десятилетие 50-х годов, находим, что, наряду с новым признанием феодализма у некоторых групп адыгов, уверенно и отчетливо констатируется и довольно развернутое освещение получает их родовой или общинно-родовой строй, причем повторяются термины «род», или «родовой союз», со сближениями: «gens», «клан». Но наиболее значительным явлением нельзя не считать выставленное Сталем в универсально-историческом плане положение об общинно-родовом строе, как начальной форме общественной организации человечества, вместе с тем форме, сохраняемой горскими народами Кавказа. Таким образом, русским кавказоведением в 50-х годах XIX в. была прямо выставлена родовая или общинно-родовая теория.

Исследование общественного строя горских народов продолжает расширяться и углубляться в кавказоведческой этнографической литературе 60-х годов XIX в.

Это выражается, прежде всего, в том, что термины «род», «родовой союз», для Дагестана — «тохум» или «род-тохум», для северного и западного Кавказа — «фамилия», входят в сравнительно широкое употребление. Вместе с тем, наличие соответствующих групп констатируется рядом авторов и для ряда народов. Иногда это только краткая констатация или краткое упоминание, какие мы находим, например, для адыгов у М. И. Венюкова и Д. И. Романовского²⁴, чаще же более пространственные отзывы и характеристики.

Так, например, выступивший в 60-х годах дагестанский этнограф И. М. Бахтатов, описывая аул Чиркей, пишет, что в этом ауле «жили

²¹ Горские племена, живущие за Кубанью, «Кавказ», 1850, 94—96 и 98; см. № 95.

²² Горские народы, состоящие в ведении Черноморской кордонной линии, которые принесли покорность России до 1838 г., «Кавказ», 1858, 96.

²³ К. Самойлов, Заметки о Чечне, «Пантеон», 1855, 9—10; см. № 9.— Автор — капитан, согласно его указанию, провел четыре года в Чечне; иных сведений о нем мы не нашли.

²⁴ М. Венюков, Очерк пространства между Кубанью и Белой, «Записки Русского Географического общества», 1863, 2; Романовский, Кавказ и Кавказская война, Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году, СПб., 1860.

и ныне живут шесть тохумов (фамилий)», перечисляя далее их происхождение, как вышедших из различных местностей²⁵. А. В. Комаров дает следующую характеристику дагестанского тохума. Тохум — «род», «родня», «тесный родственный союз». Чем сильнее тохум, тем большим уважением и безопасностью пользуются его члены. Никто не имеет права отделиться от своего тохума без особо уважительных причин. Весь тохум наблюдает за поведением своих членов, ибо отвечает за них. Каждый тохум имеет свое название или фамилию, большей частью по имени основателя. Многие тохумы издавна пользуются некоторыми особыми правами и привилегиями. «Особенно сильные тохумы, по числу членов или по уму и богатству представителей их, всегда имели сильное значение и влияние на дела не только своих селений, но даже целых обществ и владений»²⁶.

П. С. Петухов в обстоятельном очерке быта лезгин Кайтаго-Табасаранского округа писал: «Уздени делятся на роды (тохум). Личная численность составляет силу рода и его значение в селении, поэтому родство помнится и считается до отдаленнейших колен. Каждый род составляет как бы отдельное общество; он связан своими интересами и взаимной защитой...» и т. д.²⁷

Следующую характеристику тохума у лезгин Закатальского округа дает А. Ф. Пасербский. Упомянув о переселении лезгин с гор целыми тохумами, Пасербский пишет: «Слово тохум требует пояснения. Тохумы по своему внутреннему устройству очень напоминают собою греческие филы во времена Писистрата. Каждый тохум, — они сохранились и поныне, — составляет как бы одну общую семью — братство, из лиц, не только родственных между собой, но и посторонних, имеющих одни общие интересы. Сила и влияние тохума зависела от числа его членов. Теперь, при русском управлении, тохум имеет мало значения: влияние его распространяется только на ход тяжёбных споров и на другие домашние дела. Но в то время, когда лезгины пользовались самоуправлением, влияние тохумов имело и политическое значение: каждый тохум, как греческая фила, обязан был выставить определенное число воинов. Чтобы вполне понять значение тохумов того времени, необходимо сказать несколько слов о форме тогдашнего их управления. Из среды всего населения волей народа, или вернее, тохумов, избирались ежегодно четыре казия. В руках их сосредоточивалась вся власть и все управление: они решали спорные дела и, хотя руководились шариадом, и местным адатом, пользовались неограниченной властью и злоупотребляли ею в пользу тех тохумов, из среды которых были сами...»²⁸

²⁵ И. Бахтамов, Чирка или аул Чиркей, «Кавказ», 1863, 29—30. — Автор — Исаак Михайлович Бахтамов, в 60—70-х годах служил смотрителем интендантского магазина в Дербенте (по данным «Кавказского календаря» за 1866—1874 гг.).

²⁶ А. Комаров, Алаты и судопроизводство по ним, «Сборник сведений о кавказских горцах», 1, 1868, стр. 77. — Автор, Александр Виссарионович Комаров (1823—1904), в офицерских чинах с 1849 г., в 1855 г. окончил Академию Генерального штаба; с 1856 г. — на Кавказе, где прослужил около 30 лет; состоял начальником штаба Дагестанской области, Дербентским градоначальником, военным начальником Южного Дагестана; в 1880 г., в чине генерал-лейтенанта состоял начальником Военно-народного управления на Кавказе до 1883 г., когда был назначен начальником Закаспийской области. О нем: 1) Военная энциклопедия, т. XIII (1913); 2) его некролог: «Известия Кавказского отдела Русского Географического общества», XVIII, 1904, стр. 266—268; 3) Н. П. Глиноецкий, Указ. соч., стр. 82.

²⁷ П. Петухов, Очерк Кайтаго-Табасаранского округа (в Южном Дагестане) «Кавказ», 1867, 7, 8, 12, 13, 15, 16; см. № 12 — Автор, Павел Семенович Петухов, офицер-артиллерист, состоял в 60-х годах помощником Кайтаго-Табасаранского окружного начальника, в конце 60-х и в начале 70-х годов, в чине полковника, начальником Хасав-Юртовского округа Терской области (по данным «Кавказского календаря» за ряд лет); он же автор ценных статей: «Из Нагорного округа», «Кавказ», 1866, 5, 55, 95, 97, 98 и «Кубачинское племя», «Кавказ», 1866, 86—87.

²⁸ А. Пасербский, Закатальский округ, «Кавказ», 1864, 48, 59—61; см. № 48: в переработанном виде: Очерк Закатальского округа, «Кавказский календарь» и т. д.

Наличие родового уклада констатируется и для Абхазии. И. И. Аверкиев указывает, что «основание политического строя жизни абхазского племени составлял союз родовой, фамильный»²⁹.

Следующее высоко интересное высказывание находим в принадлежащей перу П. Д. Краевича записке Сухумской сословно-поземельной комиссии от 1869 г.: «Союз родовой, отдельный союз каждой фамилии,— говорится здесь,— представляет первоначальную форму общественного устройства у всех народов. Вторую ступень составляет союз нескольких фамилий, соединившихся в одно целое в силу тех же причин и во имя тех же стремлений — вследствие необходимости противопоставления большой силы неблагоприятствующим внешним условиям и усложнения внутренних отношений, не находившего удовлетворения в родовом союзе. Абхазская община (акыта) представляет соединение родовых, фамильных, союзов, с преобладающим влиянием и значением одного какого-либо лица, одной какой-либо фамилии»³⁰.

Приведем, наконец, следующую характеристику общественного строя адыгов, принадлежащую П. Невскому. «Социальное устройство общества закубанских горцев,— пишет этот автор,— имело особенный, своеобразный характер. Каждое племя (clan) делилось на колена и роды... Аул, занимая нередко пространство в 1 кв. милю по причине своей разбросанности, заключал около сотни дворов; эта сотня управлялась старшиной и составляла как бы отдельную республику; следовательно, каждое племя — федерация нескольких подобных республик... Вообще, у всех закубанских племен правление было вполне республиканское, демократическое, за исключением убыхов, где преобла-

1866 год, Тифлис, 1865, где тот же текст в менее удачной редакции.— Автор, Александр Францевич Пасербский, состоял на гражданской службе на Кавказе в течение многих лет: в 1865 г., в чине коллежского регистратора, причисленным к главному управлению наместника, в 1888 г.— секретарем Тифлисского губернского по крестьянским делам присутствия, в 1896 г., в чине статского советника, правителем канцелярии Кутаисского военного губернаторства (по данным «Кавказского календаря» за указанные годы).

²⁹ Ив. Аверкиев, С северо-восточного побережья Черного моря, «Кавказ», 1866, 70, 72, 74, 76, 77, 80; см. № 74.— Автор — Иван И. Аверкиев — в 1864 и начале 1865 г. служил в рядах Гагринского, а потом Сухумского гарнизона (по указанию в статье: Абхазцы (Азега). По поводу сочинения г. Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих», «Сборник сведений о кавказских горцах», 6, 1872; автором этой статьи является, по нашему мнению, член Сухумской сословно-поземельной комиссии подполковник артиллерии А. Н. Введенский); в «Кавказском календаре» на 1870 г. И. И. Аверкиев значится действительным членом Кавказского отделения Русского Технического общества. Иных сведений об этом авторе мы не нашли.

³⁰ Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани (Извлечение из трудов Сухумской сословно-поземельной комиссии, представленных в 1869 г.), «Сборник сведений о кавказских горцах», 3, 1870.— Очерк напечатан без указания автора. Автор — Петр Дмитриевич Краевич,— окончил Константиновское военное училище, откуда вышел подпоручиком в лейб-гвардии Финляндский полк; в 1859 г. окончил Военную Академию; с 1861 по 1880 г. служил на Кавказе по генеральному штабу на различных должностях; с 1867 г., в чине полковника, состоял председателем Сухумской сословно-поземельной комиссии; в 1877 г. участвовал в русско-турецкой войне и за боевые отличия был награжден золотым оружием и произведен в генерал-майоры; с 1880 г. командовал бригадой 38 пех. дивизии; дальнейшее неизвестно. Краевич является также автором книги: «Военный обзор Рюонского края», СПб., 1870, имеющей узко военный характер.— Принадлежность цитируемого нами очерка Краевичу устанавливается по указанию в вышеуказанной (см. предшествующее примечание) статье А. Н. Введенского.— Научный сотрудник Абхазского научно-исследовательского института Ш. Д. Инал-Ипа любезно сообщил нам следующее любопытное извлечение из архивного документа: состоявший поверенным по делам князя Г. Д. Шервашидзе А. Пахомов, в своих «Замечаниях на записку ген. шт. полковника Краевича о поземельной собственности в Абхазии», полемизируя с Краевичем, называет его «зараженным коммунистическими идеями».— О Краевиче: Н. П. Глиноецкий, Указ. соч., стр. 104, и «Кавказский календарь» за ряд лет.

дал аристократический элемент» (подчеркнуто везде автором.— М. К.)³¹.

Если мы теперь также подытожим то, что в области интересующей нас проблемы дали 60-е годы, то прежде всего еще раз отметим, что констатация рода, родовой группы или родового строя для ряда народов Кавказа получает действительно широкое распространение. В своих характеристиках родовой группы, или — для Дагестана — тохума, ряд авторов отмечает те или другие черты, свойственные данной форме. Эти характеристики отчетливо отражают то обстоятельство, что в данную эпоху род у различных народов Кавказа находился в различном состоянии, причем везде уже был в состоянии значительного распада. Таким образом, уже тогда возможности его изучения были в известной мере ограниченными.

Замечательной для своего времени представляется характеристика данная Краевичем. Мы находим здесь положение о роде как универсальной исторической начальной основной общественной форме, далее, констатацию и различие рода, как первичной формы, и составляющей «вторую ступень», союза родов, наконец, тезис о внешней и внутренне обусловленности обеих этих форм.

В характеристике Невского обращает на себя внимание новая попытка структурного различения племени, колена и рода, а также повторение знакомого нам сближения понятий республиканского и демократического

Отметим, наконец, что вопрос о горском феодализме не нашел в рассматриваемом десятилетии себе выражения.

Нам остается еще отметить для начала 70-х годов XIX в. работы В. Б. Пфафа по истории и обычному праву осетин³².

Не вдаваясь в изложение взглядов Пфафа на общественный строй осетин, укажем только, что в работе, посвященной истории осетин, он дал, — правда, весьма наивное, — изображение феодализма в Осетии господствовавшего, по Пфафу, с XI и до, примерно, XV в., когда феодализм стал здесь падать, оставив, однако, пережитки, сохранившиеся до новейшего времени. В работе об обычном праве осетин Пфаф дал первую в кавказоведческой литературе широкую и разностороннюю характеристику родовых форм и отношений и родового права у определенного народа.

* * *

На этом мы наш обзор останавливаем.

70-е годы XIX в. составляют, как известно, крупный рубеж в истории науки о первобытности, в частности, в истории учения о родовом строе. Рубеж этот связан с именем Л. Г. Моргана и выходом в свет его «Древнего общества». В этнографическом кавказоведении этот рубеж смыкается со значительной вехой — началом нового периода, отмеченного этнографическими работами на Кавказе в 80-х годах М. М. Ковалевского.

Но вклад, который сделал Ковалевский в этнографию Кавказа, в частности в исследование общественного строя горских народов, связан с теми достижениями общественной науки, которые к тому времени сказались. Это прежде всего — крупнейшие достижения русской исторической науки, для которой исследование, в частности рода, составляло традиционную тему, начиная еще с XVIII в. Нам довелось уже показать, что

³¹ П. Невский, Закубанский край в 1864 г. (Путевые воспоминания), «Кавказ», 1868, 97—101.— Личных сведений об авторе не найдено; как видно из текста, он офицер.

³² В. Пфаф, Материалы для истории осетин, «Сборник сведений о кавказских горцах», 4—5, 1870—1871; его же, Народное право осетин, «Сборник сведений о Кавказе», 1—2, 1871—1872.— Владимир Богданович Пфаф — доктор прав, окончил Дерптский университет; в 70-х годах состоял преподавателем истории и географии во Владикавказской реальной прогимназии (по «Кавказскому календарю» за 70-е годы).

вопреки довольно распространенному взгляду, не Морган является первым создателем учения о роде, а учение это, или так называемая «родовая теория», имеет длительную, предшествующую Моргану и его предвещающую, историю и что крупнейшую заслугу в разработке этого учения имеет и ведущее место здесь занимает именно русская наука³³. Таким образом, проблема рода, как она изложена в ранних работах Ковалевского, равно как и его подход к изучению рода на Кавказе,— все это является в значительной мере результатом той разработки проблемы рода, которая была выполнена к тому времени русской наукой, результатом в частности обширнейшего накопления конкретных данных о роде у народов Сибири, Поволжья, Средней Азии и пр. Нельзя, конечно, ни игнорировать, ни преуменьшать и влияния на Ковалевского зарубежной науки, в частности учения Моргана, которого Ковалевский явился первым в России распространителем. Итак,— возвращаясь к истории русского этнографического кавказоведения, в частности к истории изучения родового строя горских народов,— мы должны сказать, что с 80-х годов, со времени работ на Кавказе Ковалевского, изучение проблемы рода на Кавказе идет уже в тесной связи с состоянием и развитием как русской, так и зарубежной историко-этнографической науки.

Но мы имеем все основания утверждать, что до того, в течение всего предшествующего времени, изучение родового быта горских народов Кавказа шло и развивалось совершенно независимо от каких-либо зарубежных влияний, идя вполне самостоятельным и оригинальным путем, неизмеримо намного впереди зарубежной науки, предвосхитив и опередив в частности Моргана на ряд десятилетий. Вместе с тем, стоит вне сомнения связь исследования родового строя народов Кавказа с развитием учения о роде в русской науке и с русской этнографией вообще.

Ссылаясь еще раз на наше исследование истории учения о роде в русской науке, мы можем сказать, что настоящий наш очерк не только дает новый, большой и яркий материал на тему о заслугах русской науки в разработке вопросов ранних форм общественного строя, разработке в частности проблемы рода, не только весьма значительно обогащает прежде нарисованную нами картину и еще более выразительным образом иллюстрирует наши положения, но демонстрирует еще большие заслуги русской науки в данной области.

Выше, по ходу нашего изложения, мы последовательно подытоживали достижения русской этнографии в изучении общественного строя горских народов Кавказа. Резюмируя сейчас наш обзор в целом, мы находим прежде всего, что еще в первые десятилетия XIX в. русская этнография установила для горских народов Кавказа два вида общественного строя: феодализм и общинно-родовой строй, причем кавказский феодализм связывался с наличием широкого общинно-родового уклада.

Мы не станем здесь вдаваться в вопрос по существу, говорить о том, насколько основательны и глубоки были в их конкретном применении эти определения, и не будем вдаваться здесь в критику отдельных выставленных положений и оценок. Ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Достаточно очевидно, что предложенная трактовка общественного строя некоторых народов Кавказа, как феодального, была лишь намечена и отнюдь не была ни обстоятельной, ни аргументированной. Более того, как это видно из нашего обзора, трактовка этого вопроса вообще не получила в изученное нами время какого-либо развития. Можно прямо сказать, что эта тема оказалась не под силу науке того времени, и надо признать, что, достаточно сложная, тема эта вообще не доступна трак-

³³ См. нашу книгу: Матриархат, История проблемы, М.—Л., 1948, в частности ч. I, гл. VI, специально посвященную истории проблемы рода, а также нашу работу: Проблема доклассового общества в эпоху Маркса и Энгельса. «Советская этнография», 1933, 2.

товке, без подлинно научного метода, т. е. марксистско-ленинского метода. Таким образом, тема эта и не могла быть поднята буржуазной наукой. И все же, немаловажную заслугу русской этнографии Кавказа составляет то, что, не обезличивая с точки зрения их общественного строя все горские народы Кавказа, она поставила, и притом уже очень рано, вопрос о горском феодализме.

Более доступной оказалась тема общинно-родового строя. Но и здесь, конечно, без исторического подхода, без марксистско-ленинского метода, любое исследование, хотя бы основанное на самом лучшем желании и усердии, должно было остаться ограниченным.

Надо учесть при этом, что все авторы, о которых мы говорили, далеко не были ни квалифицированными учеными, ни специалистами — историками или этнографами и отнюдь не занимались изучением общественного строя народов Кавказа специально. Все это были простые наблюдатели, преимущественно офицеры, — правда, нередко получившие высшее, военное или общее, образование, — занимавшиеся этнографией между делом, помимо своих прямых служебных обязанностей.

И все же, беря то, что в данной области было сделано русскими наблюдателями быта кавказских горцев за период до 70-х годов XIX в., имеем весьма не мало.

Говоря о наличии рода у различных народов, Энгельс заметил: «Недавно М. Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, хевсуров, сванетов и других кавказских племен»³⁴. Уместно сказать по этому поводу, что Ковалевский действительно впервые обратил внимание на род у группы горных грузин, однако род у кавказских народностей был обнаружен и описан еще задолго до Ковалевского, еще в 1843 г., Голенищевым-Кутузовым, а затем рядом других авторов.

Но русские исследователи того времени не только обнаружили и описали род, не только установили ряд присущих ему черт, в том числе основную и главнейшую его черту — коллективную собственность на землю, но и подошли к проблеме структуры родового общества, наметив и следующий концентрический круг, который был назван «союзом родов». Русские исследователи пошли и дальше в своем анализе общественной структуры наблюдаемых ими народов — они обнаружили и отчасти описали следующую примитивную форму — территориальную общину — «джамаат». Наконец, не ограничившись этими этнографическими описательными констатациями в рамках Кавказа, русские исследователи обратились и к широким историческим обобщениям, выставив общинно-родовую теорию как положение универсально-историческое.

Это последнее достижение русской науки является, конечно, наиболее значительным. Надо вспомнить, что в ту пору, когда это замечательное обобщение было впервые сделано, а именно, в конце 40-х или в самом начале 50-х годов XIX в., в зарубежной общественно-исторической науке широко господствовала реакционная патриархальная теория, тогда как противопоставленная ей общинно-родовая теория еще только делала свои первые шаги, идя еще ощупью, притом двумя отдельными путями: несмелой и ограниченной постановкой вопроса о роде, причем только в отношении «арийских» народов, и весьма неопределенными еще экскурсами на тему об общине-марке.

Неизмеримо более прогрессивную позицию в вопросе о начальном строе занимала русская наука, в которой патриархальная теория никогда не находила себе места. Наряду с тем, общинно-родовая теория получила в России уже рано весьма широкое признание. В ногу с этим передовым течением русской науки шло и русское кавказоведение. Если установить место упомянутых обобщающих положений, выставленных в

³⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 135.

кавказоведческой литературе 50-х годов, в общерусской историографии данного предмета, то это будет место между выступлениями Соловьева и Грановского.

Итак, достижения русской науки по исследованию общественного строя горских народов Кавказа и сделанные на этой основе обобщения должны занять видное место в истории учения о родовом строе, в истории учения о первобытном обществе, в истории русской исторической науки.